

СТАВКА НА ТЕБЯ

ВТОРОЙ ШАНС

АНАСТАСИЯ РИДД & НАСТЯ ОРЛОВА

Настя Орлова

Ставка на тебя. Второй шанс

«Автор»

2023

Орлова Н.

Ставка на тебя. Второй шанс / Н. Орлова — «Автор», 2023

Случайная встреча на выставке переворачивает мир молодой художницы Александры Озеровой с ног на голову. Три года назад она была влюблена в Стаса Крестовского, но была вынуждена уйти. Теперь у него есть невеста, а у Саши - очаровательная дочь, поразительно похожая на мужчину, который однажды разбил ей сердце.

© Орлова Н., 2023

© Автор, 2023

Анастасия Ридд, Настя Орлова

Ставка на тебя. Второй шанс

Глава 1

Саша

– Лиза, я все залы обошла, но так и не увидела «Морское дыхание». Куда ее повесили? – нетерпеливо уточняю у своей помощницы, стоит той появиться в поле моего зрения.

– В первом зале висит, – девушка мягко улыбается в ответ, протягивая мне стакан воды. – Вы слишком нервничаете, Александра Сергеевна. Воды?

– Да, давай, – делаю несколько жадных глотков и возвращаю пустой стакан Лизавете, которая уже больше года выполняет бесценную роль моей ассистентки, администратора и, порой, даже няни. – Нервы сегодня совсем ни к черту.

– Вы зря волнуетесь, судя по первым отзывам критиков, вас сегодня ждет феерический успех.

– Думаешь? – я растеряннo кусаю нижнюю губу.

– Иначе и быть не могло, – девушка осторожно касается моего плеча. – Вы столько работали ради этого!

– Спасибо за поддержку, Лиза. Ты даже не представляешь, насколько она для меня важна.

Уму непостижимо: моя первая серьезная выставка в одной из лучших художественных галерей Москвы. Столько сил потрачено, сколько бессонных ночей прожито, сколько отказов выслушано – не сосчитать. Но цель достигнута, осталось лишь открыться сегодня и пожинать плоды своих трудов.

А что если меня ждет провал?

Лиза уверена, что все будет хорошо, но история знает массу примеров, когда один отзыв критика рушил карьеру художника, которому до этого раздавали авансы. Справлюсь ли я, если у меня ничего не получится? Я ведь так долго шла к этому, несколько раз была готова свернуть с намеченного пути, но мама не позволила.

Даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить ее за все, что она для меня сделала. Именно мама оказала мне колоссальную поддержку три года назад, когда я вернулась в столицу не понимая, как жить дальше, и продолжает выручать до сих пор, несмотря на то, что земля под моими ногами давно стала твердой.

– Александра, прекрасная выставка! Александра, какая чудесная серия! – слышу со всех сторон восхищенный хор голосов, стоит мне выйти из своего укрытия в основной зал полчаса спустя. – Ваши картины такие яркие, и в то же время очень глубокие... Я отложил две картины для себя... Мой клиент хотел бы приобрести ваши работы для своего загородного дома...

На высоких каблуках лавирую сквозь толпу, рассыпаясь в улыбках и благодарностях, ощущая, как успех пьянит голову, а за спиной вырастают крылья.

– Спасибо, что пришли. Очень рада вас видеть. Благодарю за столь высокую оценку моего творчества, – не остаюсь в долгу, с достоинством принимая комплименты.

– Саша, спешу поздравить вас с персональной выставкой, – передо мной вырастает Максим Зотов, популярный художник, особенно известный в светских кругах. – Картины потрясающие. Я всегда знал, что рано или поздно, вы очаруете художественное общество столицы.

– От вас вдвойне приятно слышать такие слова, Максим, – отвечаю сдержанно, чтобы у него не возникло мысли, что я с ним флиртую. – Я каждый день люблю ваш творчество, которое висит у меня в гостиной на самом видном месте.

– А как мне приятно слышать, Саша! Ваши работы восхитительны, впрочем, как и вы сама, – он берет мою руку и, глядя мне в глаза, церемонно подносит мою ладонь к губам.

Я натянуто улыбаюсь, аккуратно высвобождая руку из мягкого захвата Максима. Мужчина далеко не в первый раз оказывает мне подобные знаки внимания, но обычно я обрубаю их на корню. Не хочу давать ложных надежд хорошему человеку и коллеге, который явно настроен перевести наше общение в более близкое русло.

– Александра, нужна ваша помощь, – от общества Зотова меня спасает появление Лизы.

– Извините, Максим, дела, – говорю я с облегчением и обращаю все свое внимание на взволнованную помощницу.

– Что случилось? – мы отходим на безопасное расстояние, чтобы никто не мог услышать наш разговор. – Видела бы ты выражение своего лица. Выкладывай, Лиза, не томи! Где горит?

– Один мужчина хочет купить «Морское дыхание», – отдышавшись, произносит она.

– Она не продается, – категорично заявляю я, для убедительности скрепящая руки на груди. – Я не просто так сказала повесить на эту картину табличку «Не для продажи».

– Я ему так и сказала, – в голосе Лизы отчетливо слышится волнение и даже тревога. – Но он сказал, что цена для него не важна, и его устроит любая сумма, которую озвучит художник.

– Эта картина бесценна, – повторяю натянуто. – Нет таких денег, за которые я бы согласилась ее продать.

– Я знаю, Александра Сергеевна, – произносит Лиза. – Но это очень уважаемый в обществе человек. И известный коллекционер. Боюсь, он не привык слышать «нет». Вы должны объяснить ему сами, иначе...

– Он хочет выпросить ее у меня? – скептически приподнимаю брови.

– Скорее, убедить вас в целесообразности уступить ему, – пожимает плечами помощница. – Я не знаю. Мне нужно идти к другим потенциальным клиентам – там уже выстроилась очередь из желающих приобрести ваши работы. Могли бы вы взять эту проблему на себя?

Я демонстративно закатываю глаза. Что за настырные люди? Ну, написали же русским языком, что картина не продается. Зачем выпрашивать?

– Конечно. Прочесть табличку «Не для продажи», если этот человек не умеет читать, я, конечно, ему смогу, – отвечаю раздраженно. – Где найти этого грамотея?

– Он у «Морского дыхания».

Лиза торопливо скрывается в соседнем зале, а я, выдохнув, иду на поиски настырного коллекционера.

А у него есть вкус, вынуждена сама себе признаться. «Морское дыхание» – моя лучшая работа. Лучшая и очень личная. На ней не просто волны, не просто море и скалы – там вся гамма чувств, которые может испытывать влюбленная женщина – от радости и надежды до горечи и разочарования. Не все могут это увидеть, но тем, кому картина по-настоящему «открывается», она западает в душу раз и навсегда.

Когда мы готовили выставку, я всерьез размышляла о том, чтобы ее не выставить, но в конце концов поняла, что с моей стороны это было бы огромной ошибкой. «Морское дыхание» должны видеть. Но только видеть. Не покупать.

Уверенной походкой шагаю к первому залу, на ходу принимая комплименты. Мысленно прокручиваю в голове возможный разговор с настойчивым коллекционером. Готовлю несколько вежливых, но категоричных фраз, которые дадут понять, что эта работа для меня бесценна и не подлежит продаже ни за какие деньги. Но стоит мне подойти к картине, рядом с которой спиной ко мне стоит мужчина, вся моя решимость тает, как дым.

По телу пробегает озноб, щеки обдаёт кипятком, ноги древенеют, а грудную клетку так сдавило, что становится трудно дышать.

Не может быть. Этого просто не может быть.

Внушительная фигура. Широкие плечи, обтянутые дорогим пиджаком. Идеально уложенные черные волосы. Под это описание подойдут сотни мужчин, но я знаю, чувствую, что этот – тот самый, единственный, встречи с которым я бы хотела избежать.

Застыв на месте, я отчаянно пытаюсь перевести дыхание и унять бешеный стук сердца, которому стало явно тесно в груди. Лихорадочно ищу выход из создавшейся ситуации, но мозг отказывается соображать. Ну не бежать же мне, в самом деле? Да и как это сделать, если мои ноги буквально приросли к полу?

Нет. Обратной дороги нет. Но, по крайней мере, теперь для меня все встало на свои места. Я знаю, почему этот человек выбрал именно эту картину. И я знаю, что для него не существует слова «нет». Однако, сегодня он его услышит.

Мужчина, словно чувствуя мое присутствие, медленно оборачивается. Как в кино, но только это реальность. А я, едва дыша от бури чувств, kloкочущих внутри, гордо вздергиваю подбородок и прямо встречаю обжигающий взгляд ледяных синих глаз.

На лице Стаса Крестовского непроницаемая маска – невозможно понять, о чем он думает, пронзая меня своим взглядом. Зато в моей голове словно в центре торнадо: мысли сбиваются, установки ломаются, реальность путается с вымыслом, а воспоминания трехлетней давности обрушиваются лавиной, грозя утопить под собой остатки здравого смысла.

Столько лет прошло, а я все еще помню события того безумного лета до мельчайших подробностей. Терраса казино, ставка, проигрыш, Москва, Капри, та единственная и неповторимая ночь... И все, что было после... Неужели после всего, что я пережила этот человек снова стоит передо мной? И где, на моей первой выставке, которая должна была стать моим личным триумфом, а не неравной борьбой на выживание с прошлым.

Я так надеялась, что переболела, выкинула Стаса Крестовского из своей головы и из своего сердца, но сейчас, как и три года назад, меня в его обществе все также бросает то в жар, то в холод, колени слабеют, а пульс разгоняется до отметки, которую моя близкая подруга Марина посчитала бы нездоровой.

Стас чуть склоняет голову в пародии на приветствие. Это не полноценный кивок, лишь едва заметный наклон головы, который должен сказать мне, что он меня заметил. На лице – все то же закрытое, непроницаемое выражение, ни намек на чувства, ни шанса проникнуть за сдержанный фасад. Но разве мне когда-то удавалось нечто подобное? Лишь в мечтах, когда я глупо полагала, что этот человек передо мной раскрывается...

– Александра.

Одно слово, как разорвавшаяся надо мной бомба. И голос знакомый – тягучий, бархатистый, с хриловатыми нотами, теплой волной прокатывающийся вдоль позвоночника.

Я делаю осторожный шаг вперед, на ходу обдумывая нейтральную тему для разговора. Что-то простое, без чувств, без эмоций, просто обмен любезностями между чужими людьми, коими мы по-сути и являемся. Но нужные слова никак не находятся – язык деревенеет, горло сжимает спазмом и мне с трудом удается сглотнуть набежавшую слюну. Да и сам Крестовский не облегчает мне задачу, продолжая сканировать темнеющим взглядом, больше не говоря ни слова.

– Здравствуйте, – наконец, выдавливаю я, поравнявшись с ним. – Вы пришли на мою выставку.

Пытаюсь через силу улыбнуться, надеясь увидеть проблески ответной реакции, но в выражении лица Крестовского ничего не меняется, мужчина остается абсолютно серьезным.

– Добрый вечер, – до боли знакомый глубокий голос, кажется, проникает в самое сердце. – Я полагал, мы давно прошли тот этап, когда ты называла меня на “вы”.

– Вас заинтересовала именно эта картина? – спрашиваю я, делая вид, что не заметила его ремарки.

В ожидании его ответа задерживаю дыхание. Пальцы слегка покалывает, и я сцепляю руки в замок.

– Да, – короткий ответ. Крестовский не облегчает мне задачу.

– Эта картина не продается, – каждое следующее слово даётся мне с еще большим трудом. – Здесь есть табличка, на которой это написано.

И снова этот взгляд. Теперь чуть насмешливый. Словно “нет” из моих уст его развеселило.

Черт возьми! Мне нужно время. Я теряюсь от одного только взгляда, слова, рядом с этим человеком моя уверенность постепенно сходит на “нет”. Ещё десять минут в обществе Стаса, и я рискую провалить мероприятие, к которому так долго готовилась. Пора заканчивать эту идиотскую беседу.

Ну почему это случилось именно сегодня? Я столько раз представляла нашу встречу, даже прокручивала в голове то, что скажу ему, но все случилось совсем не так. Реальность в буквальном смысле долбанула по голове и напомнила о чувствах, которые, как мне казалось, я зарыла глубоко внутри себя, повесив на них амбарный замок. Теперь я стою как школьница, подросток перед понравившимся мальчиком, не имея возможности связать два слова.

– Мне нравится эта картина, – от делового тона по спине пробегает холодок. Крестовский ничуть не изменился. – Озвучь свою цену.

– Она не продается. Вы можете выбрать любую другую понравившуюся картину, – я нервно сглатываю, на этот раз с достоинством выдерживая его взгляд.

Пока Стас хладнокровно пытается заполучить желаемое, внутри меня разгорается буря, подобная песчаной, которая, как не прячясь, сметет на своем пути абсолютно все. Как бы я ни отрицала очевидное, но пора признаться хотя бы самой себе – моя эмоциональная зависимость от Крестовского никуда не делась. И мне хватило доли секунды, чтобы это понять.

Как ни странно, в последние годы он редко давал интервью, а на те, что были, я старалась не обращать внимания, пыталась делать вид, будто меня не интересует его жизнь. Я врала самой себе, отчаянно пытаясь сохранить себя ради того единственного дорогого, что у меня есть. Но одна лишь встреча разрушила мой хрупкий мир.

– Она не продается, – повторяю я. – Здесь много хороших работ.

– У тебя талант, Саша, – кивает он, переводя взгляд за мою спину. – Безусловно, все твои работы хороши, но мы же оба понимаем, какая из них лучшая. А я привык получать лучшее.

Его последняя фраза будто адресована лично мне. Чувствую себя некомфортно в его обществе, но я не могу просто взять и сбежать, как бы мне этого не хотелось. Я – профессионал своего дела, и никакие призраки прошлого не заставят пошатнуть во мне эту уверенность.

– Саша, привет! Вот ты где! – организатор выставки Кира Силина касается моего плеча. – Все получилось даже лучше, чем мы ожидали. Разговаривала с Лизаветой. Какая она умница. Все-таки ты в ней не ошиблась.

Я вновь ощущаю неловкость, но теперь от того, что Кира ведет себя подчеркнуто непрофессионально, говоря о рабочих моментах в присутствии посетителя.

– Кира, здравствуй, – приветствую девушку. – Думаю, мы можем поговорить об этом позже...

– Саша, ты уже познакомилась с моим женихом? Станислав Крестовский – лучший мужчина на этой планете, – беззаботно произносит она, продолжая широко улыбаться. А потом вдруг подходит к Крестовскому и мягко касается губами его щеки.

Бум. Удар. Бум. Ещё один. В голове набатом стучат ее слова. Я ещё не оправилась от потрясения встречи, как судьба уготовила мне новый “подарок”.

Глава 2

Стас

В том, чтобы жить, руководствуясь разумом, а не сердцем, есть свои неоспоримые преимущества. Я это понял очень рано – когда в расцвете сил погиб отец. Нашей семье преподнесли аварию как несчастный случай, но всем было понятно, что это его расплата за то, что в

какой-то момент он поддался эмоциям и поверил не тем людям. Большой бизнес сантиментов не прощает.

Мне тогда едва исполнилось двадцать. Отец всегда был для меня примером, поэтому когда его не стало, мир для меня пошатнулся. Но времени горевать у меня не было: нужно было брать на себя не только семейное дело, но и ответственность за маму и младшую сестру. Было непросто, но альтернативы просто не существовало – пришлось адаптироваться и быстро принимать взрослые решения без оглядки на собственные чувства. Так мама и Ариана оказались в Италии, вдали от клановых разборок, а у семьи Крестовских помимо строительного бизнеса, появился бизнес игорный – как плата за молчание.

В своей взрослой жизни я старался не совершать необдуманных поступков, таких которые стоили отцу жизни, – окружал себя только проверенными людьми, никого не подпускал достаточно близко для того, чтобы однажды проснуться от ножа, вонзенного в спину. На протяжении многих лет у меня был единственный друг – Марк, и много женщин, которые сменяли друг друга, не оставляя после себя ничего кроме смутных воспоминаний. Пока три года назад я не встретил ее – Александру Лебедеву, жену отчаянного игрока, который изо всех сил старался выбиться в люди. Именно в тот вечер все в моей жизни во второй раз пошло наперекосяк.

Впоследствии я много раз проигрывал в своих воспоминаниях нашу первую встречу. Думал, где находилась точка невозврата, которая в дальнейшем заставила меня совершать поступки – импульсивные, нелогичные, в чем-то даже незаконные, – которые были совершенно мне не свойственны. И пришел к выводу, что Александра пробудила во мне азарт. Когда жизнь превращается в игру, повышать ставки становится делом принципа. После ее демонстративного отказа на террасе казино, заполучить ее мне стало необходимо. Зачем? Просто доказать себе, что она такая же, как другие. Что рано или поздно купится на деньги и роскошь. Но я не учел, что пока я буду играть на ее чувствах, в схватку вступят мои собственные. И это был самый серьезный просчет в моей жизни.

Рядом с ней мир заиграл новыми красками. Проснулись эмоции и желания, смутные и неясные, которые меня, прожженного циника, поставили в тупик. Это раздражало. Хотелось реванша. И я нашел самый подлый способ его получить: предложил ее идиоту мужу поставить на кон свою единственную настоящую ценность. Красавицу-жену с настороженными, словно у пугливой лани, голубыми глазами. Я, конечно, всерьез не рассчитывал, что он согласится, что она пойдет на все, чтобы защитить жалкого мудака, недостойного называться ее мужем, но неожиданно получив девушку в свое распоряжение отпустить уже не мог. Хотелось проникнуть за ее сдержанный фасад, разобраться, что в ней такого особенного и почему рядом с ней я впервые за долгие годы начал ощущать себя живым человеком, а не роботом, обтянутым кожей.

Я это понял только позднее. Когда она единственный раз спала в моей постели, а я наблюдал, как тихо она дышит, испытывая необъяснимое жжение в груди – словно туда вставили тлеющий уголек и зашили, чтобы я уже никогда не смог его достать.

В Александре не было хитрости и фальши, привычной для женщин моего круга. Она не старалась казаться умнее, красивее, лучше, чем была, но главное – ее совершенно не впечатляла внешняя мишура, деньги и любые признаки богатства. Она отвергала все это, а вместе с этим отвергала и меня. Хотя неосознанно все же желала. И именно эту химию, чувственную совместимость я использовал, чтобы ее добиться. И даже не понял, когда пропал сам.

Я предоставил ей выбор – остаться со мной или уехать, считая, что поступаю в высшей степени благородно. Она выбрала уехать. Втихую. Даже не найдя смелости, или желания, попрощаться. Посмотреть мне в глаза после безумной ночи любви и сказать: “Все кончено, Стас. Я ухожу”. О том, что она сбежала, я узнал от Арианы и увязавшейся за ней соседской дурочкой Мари.

Если подумать, в том, что она предпочла мне своего никчемного мужа нет ничего удивительного. Это было в ее характере – поступать не так, как от нее ждут другие. Не так, как от нее ждал я.

Мог ли я вернуть ее? Наверное. Но я всегда следовал принципу, что за свои поступки стоит отвечать. Я сам позволил ей выбрать. И то, что ее выбор мне не понравился, не давало мне права снова ее ломать. В итоге ее отъезд разделил нас как глухая каменная стена, тяжелая и непреодолимая. В первое время думал, что сорвусь – поеду, верну. Пил и вспоминал ее, как фантомную боль, которая не желала уходить. В первый месяц нарушил свои принципы лишь однажды: позвонил, но ее телефон молчал. А потом, когда стало совсем неведомо, как дурак помчался в Калининград. Просто увидеть, посмотреть в глаза, убедиться, что тот огонь и те чувства, которые я разглядел в ней, были просто игрой моего воображения и мне пора ставить точку.

Вместо этого увидел ее с Денисом. Судя по всему, простить его для нее было легче, чем остаться со мной. Это было как удар под дых, только в более уязвимое место – в самое сердце, которое я даже не знал, что у меня имеется.

После этого все как-то сломалось. Работать стало скучно. Смотреть на других женщин было тошно. Пришлось сублимировать в бокс. В конце концов и это пригодилось – бил морду Марку за то, что совратил мою младшую сестру, я почти профессионально.

В тот момент, когда я почти достиг эмоционального дна, на меня совершили первое покушение. Для заказчиков оно стало последним – нет, я не воспользовался их методами устранения, но упек в тюрьму на максимальный срок. Это стало тем звоночком, которого мне так не хватало – дав слабину ты становишься уязвимым. А я больше не собирался становиться мишенью.

О Саше Лебедевой пришлось забыть. В Калининград не приезжать. В доме на Капри сделать капитальный ремонт, чтобы даже у стен не сохранилось воспоминаний о ней.

Дела шли в гору. И в какой-то момент глядя на счастливую сестру я понял, что мне тоже нужна семья. Без ерунды вроде чувств. Но на основе уважения.

С семьей Киры Силиной нас связывали крепкие финансовые связи. Ее отец занимал важный пост в правительстве и несколько раз помогал мне с нужными контактами. Я в долгу тоже не оставался. А потом старик Силин как-то намекнул, что его старшая дочь, умница, спортсменка и амбициозная галеристка Кира мной интересуется. И как-то пазл сложился. Все казалось правильным и понятным. Отношения с ней были лишены эмоциональных качелей, которых я изо всех сил старался избегать. И все шло хорошо и спокойно, пока судьба снова не подкинула мне ее. Теперь не милую не искушенную Сашу, которая как жертвенная овечка слепо шла спасать своего мужа, – утонченную Алексу Озерову, о выставке которой только и говорила Кира.

Я пришел сюда этим вечером совершенно не подозревая о том, что встречу ее. Но стоило мне увидеть работы, развешенные на стенах, в мозгу произошла вспышка сверхновой. Даже не видя ее, я знал, что она здесь. Ее рука чувствовалась в каждой картине, но особенно ярко проявилась в одной – морском пейзаже с видом точь-в-точь таким, какой открывается из окон моей виллы на Капри. Не нужно далеко ходить, чтобы понять, какие эмоции Саша испытывала от ее написания.

Желание обладать картиной было оглушающим и совершенно лишенным здравого смысла. И уж конечно меня бы не остановила ни цена, ни табличка «Не для продажи». Вопреки всякой логике мне хотелось забрать часть той Саши, которую я когда-то знал, себе. Просто потому, что картину забрать было легче, чем когда-то – заполучить ее.

Отказывать мне она пришла сама. Не струсил. Глядела в глаза, независимо задирая подбородок. А я просто смотрел – было удивительно видеть ее после стольких лет. Она похорошела. Округлилась. В теле появилась какая-то женственность. В движениях – мягкость. Волосы

стали короче. А с безымянного пальца исчезло обручальное кольцо. Хотя бы не со своим никчемным мужем... Это уже хорошо.

Обмениваться с ней нейтральными фразами было непривычно. Деловитый тон, серьезный взгляд – она вела себя как настоящий профессионал своего дела, задвинув эмоции глубоко в себя. Убеждать продать, хотя по ее глазам я видел, что она скорее умрет, чем отдаст мне эту конкретную картину, всколыхнуло в душе давно забытый азарт. Вот только с тех пор многое изменилось... Все изменилось.

– Саша, ты уже познакомилась с моим женихом? Станислав Крестовский – лучший мужчина на этой планете, – внезапное появление Киры нарушило таинство этой первой встречи. Оно было не к месту, не по сценарию.

В глазах Саши... Нет, новой Алексы вспыхнуло удивление, которое быстро сменилось странной беззащитностью, а в моей груди что-то глухо затрещало. Эти ощущения – отзвуки того самого больного и волнующего чувства с трехлетней выдержкой, которое я давно похоронил глубоко в душе.

Глава 3

Саша

Галерея, в которой проходит выставка, представляет собой стильное пространство с высокими потолками и просторными залами, но мне вдруг резко не хватает кислорода, словно стены сдвинулись до размеров картонной коробки, не позволяя мне нормально дышать. И как, черт возьми, я должна реагировать на разворачивающуюся перед моими глазами сцену?

С женихом. Крестовский ее жених. Они с Кирой пара.

Эта информация проносится в сознании бесконечной бегущей строкой, пуская свои разрушительные корни в мое сердце, которое я так долго пыталась склеить, и чувства, вмиг пробудившиеся от глубокой спячки.

Не вижу смысла обманывать Киру, но и всей правды ей знать необходимости нет. Наша с Крестовским история давно осталась в прошлом, нечего его ворошить.

С нечеловеческим усилием возвращаю на лицо профессиональную улыбку и набираю в легкие воздух, чтобы ответить на адресованный мне вопрос, как вдруг справа раздается низкий бархатистый голос Стаса, от которого по всему телу прокатывается волна сильнейших вибраций.

– Мы знакомы с Александрой.

Затаив дыхание, перевожу осторожный взгляд на Крестовского, ожидая продолжения. Его лицо суровое, глаза похожи на голубые льдинки. Он выглядит так неприступно и мрачно, что на мгновение мне даже кажется, что прямо сейчас он возьмет и расскажет своей невесте позорную правду о нашем общем прошлом. Как мой муж Денис, уже давно бывший, отдал меня, как вещь, на десять дней чужому мужчине. А я была такой идиоткой, что на это согласилась.

От унижительных воспоминаний спина покрывается мурашками, а ладони становятся липкими от пота.

– Правда? – удивленно уточняет Кира, опуская ладонь на плечо Стаса. – Ты не упоминал об этом.

– Я понятия не имел, что вы с Александрой знакомы, – спокойно отвечает мужчина, пожав плечами. – В прошлом у меня были общие дела с ее мужем.

Упоминание Дениса заставляет мое сердце предательски ухнуть вниз. Крестовский не врет, дела у них действительно были. Но глубинный смысл его нейтральных слов понятен лишь мне. Для Киры они – простая формальность, для меня – напоминание о предательстве людей, которым я имела глупость довериться.

Несмотря на душевные терзания, я прямо встречаю испытывающий взгляд Стаса. Чувствую, что дать слабину сейчас непозволительно. Однажды этот мужчина уже прошелся катком по моей жизни, второй раз я ему этого не позволю.

В диалоге повисает пауза. Мы оба будто ходим по острому лезвию, как и три года назад, пытаюсь противостоять друг другу. Только сейчас это происходит иначе. Молчаливо, на уровне инстинктов. Но мне достаточно одного взгляда, чтобы понять – игра не закончилась.

– Сашенька, ты замужем? – спрашивает Кира и переводит взгляд на безымянный палец правой руки. – Ты никогда не говорила о супруге.

– Мы развелись три года назад, – мне хочется провалиться сквозь землю.

В какой момент моя персональная выставка превратилась в публичный разбор моей личной жизни? Я начинаю нервничать еще сильнее, но тщательно скрываю свое состояние за нейтральной улыбкой. Больше мне ничего не остается. Вот только Крестовского так просто не проведешь. Он как и тогда видит меня насквозь, читает между строк. Не знаю как, но я чувствую, что мои внутренние метания для Стаса – не секрет. Он понимает, что в настоящий момент я в смятении, поэтому эту светскую беседу нужно заканчивать. И как можно скорее.

– Извини, – с сочувствующим выражением лица произносит Кира, – наверное, это не совсем уместная тема для разговора.

– Все это осталось в далеком прошлом, – быстро отвечаю я, игнорируя блуждающий по моему лицу взгляд Крестовского. – А в настоящем мне бы просто хотелось, чтобы вы насладились выставкой. Прошу меня извинить, мне нужно поздороваться с другими гостями.

– Мы не обсудили твою картину. “Морское дыхание” если я не ошибаюсь, – мужчина криво усмехается, но его голос звучит настойчиво и абсолютно серьезно. – Я отпущу тебя к гостям в обмен на эту ценность.

– Стас, эта картина не продается, – возражает Кира. – Я согласна, что она потрясает до глубины души, задевает какие-то особенные струны, но для Сашеньки она слишком дорога.

Черт возьми! Как мог один из лучших дней в моей и без того непростой жизни в одно мгновение перевернуться с ног на голову?

– Когда я впервые ее увидела, мне тоже захотелось заполучить эту картину, – продолжает Кира, в то время как мы с Крестовским сверлим друг друга глазами. – И как я не упрашивала Сашу, она была непреклонна. Так что и ты, мой милый, потерпишь поражение.

Кира мягко улыбается, поглаживая Стаса по плечу, а внутри меня разгорается совершенно неуместное пламя под названием ревность. Не могу поверить. Не понимаю себя. Столько лет прошло. Да и этот мужчина никогда по-настоящему не принадлежал мне.

– Проиграть битву не равно проиграть войну, – отвечает Крестовский, приподнимая уголки губ в подобии улыбки. – А теперь я прошу меня извинить, – указывает на звонящий мобильный, – важный звонок.

Вежливо кивнув мне и Кире он удаляется, а я чувствую себя морально раздавленной. И дело даже не в вызове, которым он обозначил свое намерение заполучить мою картину, а в том, что где-то в глубине души я знаю, чувствую – моему мирному существованию пришел конец.

Несмотря на то, что лицом к лицу с Крестовским мы больше не сталкиваемся, незримо я ощущаю его присутствие повсюду. В отражении мраморной плитки стен, в воздухе, который пахнет его одеколоном, в атмосфере, которая стала разряженной, как бывает перед грозой. Это паранойя, знаю, но я не могу отделаться от ощущения, что пока я медленно передвигаюсь по залу, ведя светскую беседу с гостями, за мной неотступно следуют обжигающие голубые глаза...

Подумать только, а ведь я всерьез думала, что изменилась. Что за три года стала независимой, самостоятельной, сильной – женщиной, которая больше никогда не пойдет на поводу у мужчины. И что же? Стоит Крестовскому появиться на горизонте, как я снова чувствую себя слабой и уязвимой. Разве это справедливо?

– Александра Сергеевна, на вас лица нет, – это Лизвета осторожно касается моей руки. – Устали? Может быть, пока вечер в разгаре, немного отдохнете в кабинете? Я что-нибудь из еды принесу.

– Не волнуйся, Лиза, – делаю попытку улыбнуться, чтобы не волновать помощницу. – Со мной все в порядке. Немного переволновалась, вот и все.

– Ну, волноваться больше не о чем, – отвечает она с облегчением. – В первом зале почти все картины из вашей морской серии проданы. Во втором и четвертом несколько работ на брони, – она наклоняется ближе к моему уху и шепчет: – Даже Макс Зотов приобрел одну из ваших картин.

– Ну, раз даже Макс Зотов... – смеюсь я, но Лиза не обижается, только слегка краснеет. Она молодая и впечатлительная студентка академии искусств, а Макс – уже своего рода легенда в арт-кругах. Ничего удивительного, что к нему она испытывает особую слабость.

– Лиза я все же ненадолго отлучусь, – говорю я. – Ты права. Мне надо немного передохнуть. Если что, я буду в кабинете. Телефон со мной.

– Хорошо, Александра Сергеевна. Я вас прикрою.

Кабинетом мы с Лизой называем небольшую подсобку в офисной части галереи, которую Кира с самого начала выделила под наши нужды. Тут были складированы мои работы, которые не попали в финальную экспозицию, чехлы для перевозки картин, наши личные вещи и компьютер, на котором Лиза вела учет и подготовку к выставке.

Скинув на пол туфли на шпильках, я с удовольствием забираюсь на небольшую кожаную софу и достаю из сумочки телефон, чтобы по видеосвязи поговорить с мамой и дочерью.

– Привет! – с улыбкой произношу я, увидев на экране очаровательную мордашку своей двухлетней малышки, которая сидя на руках у моей мамы, с умным видом тычет пальчиком в экран.

– Мама, домой иди! – заявляет Лея, насупив брови и смешно надув губы. – Баба не дает мультики.

– Я же говорила тебе, что мама сегодня вернется позже, Лея, – напоминаю мягко. – А мультики и я бы не дала тебе посмотреть. Ты же знаешь – полчаса в день. А ты их еще утром использовала. Чем вы с бабушкой занимаетесь?

– Мы оладушки печем, – на лице Леи появляется улыбка, а голубые глаза вспыхивают радостью. – Вот такие, – и она тянет ладошку к экрану, показывая мне размер своей выпечки. – И баба зовёт спать.

– Умницы. Мам, не забудьте зубки почистить, хорошо? А то Лея очень это не любит и точно постарается тебя заболтать.

– Разберемся, Сашуль, – отзывается мама, качая внучку на коленях. – У тебя там как? Все хорошо?

– Лучше, чем хорошо, – признаюсь я, видя гордость на лице матери. – Вернусь, все расскажу. Надеюсь, буду не очень поздно.

– Ну, наслаждайся и не торопись! Это твой вечер. И ты его заслужила, дочка.

Отключившись, я еще несколько минут просто сижу, закрыв глаза и откинув голову на спинку софы. С каким-то тягучим беспокойством думаю о Лее. О том, какая она у меня чудесная, умная и красивая, о том, как сильно внешне она похожа на своего отца... А еще, она такая же настырная – еще совсем маленькая, а меня и маму запросто обводит вокруг пальца и всегда получает желаемое.

Ну, хватит!

Усилием воли заставляю себя подняться на ноги. Пора. Иначе мое отсутствие скоро станет чересчур заметно для гостей. Снова встав на шпильки, я приглаживаю платье на бедрах, поправляю макияж. Что бы там не происходило у меня в душе, совсем необязательно посвящать в свои переживания окружающих.

Заперев за собой дверь кабинета, я расправляю плечи и неспешно возвращаюсь в галерею. Стоит мне попасть в зал, меня тут же перехватывает Максим Зотов.

– Александра, – говорит он, держа меня за руку. – А мы ждем вашего выступления.

– Моего выступления? – повторяю я растерянно.

– Конечно! Ваши поклонники хотят услышать от вас несколько слов о выставке.

И в подтверждении этого, ведущий вечера направляется ко мне с микрофоном в руках. Я не привыкла к публичным выступлениям, поэтому обхожусь краткими благодарностями в адрес галереи и команды организаторов, шучу, что вчера, когда я ходила по пустым залам, рассчитывала, что на выставку придет хотя бы несколько человек и сейчас очень рада видеть вокруг столько прекрасных ценителей искусства.

Возвращая микрофон ведущему и смущенно улыбаюсь, когда публика взрывается аплодисментами. Среди пестрой толпы я замечаю Крестовского. Он не хлопает. Его руки спрятаны в карманах темных брюк, лицо – все та же нечитаемая маска, но глаза сверкают как две льдинки в лучах солнца и смотрят в упор на меня.

Задохнувшись, отвожу глаза. Пусть это выглядит, как отступление – плевать. Мне себя нужно спасти, а не думать о том, что подумает обо мне Крестовский.

Две недели. Мне надо продержаться две недели, пока моя выставка будет открыта для широкой публики. А потом я возьму Лею и маму и увезу их в длительный отпуск, туда где тепло и спокойно. И где шанс вновь встретить Стаса Крестовского будет сведен к нулю.

Когда через час гости начинают расходиться, в дверях меня ловит Кира.

– Это успех, моя дорогая, – щебечет она, прикасаясь надушенной щекой к моей щеке. – Я не сомневалась, что результат будет классным, но реальность превзошла мои самые амбициозные планы. Поздравляю тебя. Ты этого достойна, как никто другой.

– Спасибо, – отвечаю я немного скованно, но совершенно искренне. – Без тебя бы ничего не получилось. Это ведь ты поверила в меня, это ты дала мне шанс выставиться в своей галерее.

– Я просто сразу почувствовала масштаб твоего таланта, Саша. Мне кажется, ты сама еще не осознаешь, насколько глубокие картины ты пишешь. Не зря Стас так вцепился в «Морское дыхание». У него в гостиной подлинники импрессионистов висят, чтобы ты понимала. За абы какую картину, пусть даже распиаренную, он бы ни за что так не сражался.

При упоминании имени Крестовского по спине прокатывается холодок.

– Надеюсь, ты объяснишь ему, что картину он не получит, – говорю натянуто.

– Рисковать не буду. Ты не знаешь Стаса, – Кира закатывает глаза и усмехается. – Он просто так не отступит.

– Боюсь, на этот раз мне придется разочаровать его, – говорю твердо и резко оборачиваясь, когда взгляд Киры фокусируется на неведомой точке за моей спиной.

– Это самое плохое, что ты можешь сделать для меня, Александра, – это Крестовский, здесь и сейчас. Подкрался, как хищник. – Я ненавижу, когда женщины меня разочаровывают. Кира, время.

Мужчина выразительно смотрит на часы, и Кира тут же срывается с места на ходу бормоча «До свидания».

Со мной Стас даже не прощается. Просто растворяется в ночи, будто его и не было. Чувство облегчения, которое я испытываю, меня совсем не удивляет – впервые за вечер у меня получается расслабиться, а вот примешавшаяся к нему нотка разочарования становится для меня полным сюрпризом.

Глава 4

Саша

Моя выставка имеет оглушительный успех. Если бы кто-то пару лет назад сказал мне, как закрутится моя жизнь, я точно pokrutila бы пальцем у виска, не поверив в это. А сейчас,

будто в одночасье, сбываются мои самые смелые мечты, и цифры на моем банковском счете, набежавшие за последнюю неделю, лучшее тому подтверждение.

Кира время от времени приходит в галерею, а с Крестовским, к счастью, мы больше не пересекаемся. Это к лучшему, убеждаю себя. Но прекрасно понимаю, что встречи с этим мужчиной в свете хороших взаимоотношений с его невестой неизбежны, поэтому полностью расслабиться мне не удастся, как бы я ни старалась.

Несмотря на попытки не забивать голову прошлым, отделаться от мыслей о Стасе мне сложно, даже невозможно. Его образ, темный и волнующий, постоянно маячит где-то на задворках сознания, мешая размеренному темпу моей жизни и заставляя вспоминать о вещах, которые я сама себе обещала забыть.

Вот и сегодня я в очередной раз стою перед "Морским дыханием", невольно прокручивая в памяти тот день, когда впервые увидела пейзаж, вдохновивший меня впоследствии на написание этой картины. Обхватив себя за плечи, погружаюсь в тревожные воспоминания. Сейчас собственное состояние воспринимается мной иначе: в прошлом мои попытки противостоять Стасу были вызваны не столько гневом на жуткую ситуацию, в которой я оказалась, сколько внутренним сопротивлением тем чувствам и эмоциям, которые пробудил во мне этот мужчина. С той самой мимолетной встречи на террасе он подчинил себе какую-то часть меня, которая до этого была спрятана глубоко-глубоко за строгим фасадом, но будучи замужней женщиной я просто не могла признаться в этом даже самой себе.

– Привет! Не надумала ее продавать? – невольно вздрагиваю, когда чужая ладонь мягко касается моего предплечья. – Извини, кажется, я напугала тебя.

– Ничего, я просто задумалась. Привет, – растягиваю губы в приветливой улыбке. – Что ты здесь делаешь? Насколько я помню, сегодня ты хотела взять выходной.

– Я проезжала мимо и решила заскочить проверить, как идут дела, – Кира хитро улыбается. – К тому же, есть веская причина.

– Какая?

– У тебя есть планы на вечер? – отвечает девушка вопросом на вопрос.

– Нет, – отвечаю прежде, чем успеваю подумать.

Сегодня утром я отвезла маму и Лею за город к нашим родственникам. А поскольку вернутся они только в воскресенье, в выходные я буду предоставлена самой себе.

– Вот и замечательно, – Кира радостно хлопает в ладоши. – Сегодня вечером жду тебя на вечеринке, посвященной дню моего рождения.

– У тебя сегодня день рождения? – растерянно переспрашиваю я. – Кира, поздравляю! Я не знала.

Обнимаю девушку за плечи, на автомате желая ей успехов, счастья и любви.

– Да, извини, что не пригласила раньше, – сокрушается она. – Я до последнего не собиралась отмечать. Каждый год в этот день я откисаю в спа-салоне, а потом ложусь спать. Не люблю праздновать. Но вчера вечером я вдруг поняла, что в этот раз хочу провести свой праздник иначе. Наверное, это любовь с нами такое делает. Так что жду тебя.

– Кира, я...

– Отказы не принимаются, – смеется моя собеседница. – Тем более, ты уже сказала, что планов у тебя нет.

– Мне нечего надеть, – в отчаянии использую эту чисто женскую уловку, чтобы соскочить с мероприятия, заранее зная, что она обречена на провал.

– У тебя еще пять часов, – Кира бросает выразительный взгляд на золотые наручные часы на тонком запястье и победно улыбается, понимая, что других аргументов я ей не предоставлю.

– Хорошо, я приду.

Когда Кира, порывисто обняв меня, исчезает за дверьми галереи, я тяжело вздыхаю, мысленно ругая себя за согласие. Осознание того, что вечером я почти со стопроцентной вероят-

ностью увижу Крестовского, посылает по телу горячие вспышки нервозности, смешанной со странным предвкушением. Черт возьми, кажется, я только что добровольно подписала себе приговор. Но у меня есть полдня, чтобы хотя бы подготовиться к встрече и его вниманию, которого избежать мне однозначно не удастся.

Поиски достойного вечернего наряда, несмотря на мой скептический настрой, оказываются успешными. Разглядывая себя в зеркале примерочной, я думаю о том, что слишком давно не покупала себе подобных вещей и просто забыла как это – тратить деньги на себя, а не на необходимые вещи в детском супермаркете. Но теперь время тотальной экономии на себе ушло в прошлое – благодаря продаже своей коллекции, я могу позволить себе маленькие слабости не в ущерб своей дочери. А уж у Леи всегда было все, даже когда я была максимально стеснена в средствах...

На сборы уходит гораздо больше времени, чем я предполагала. Прическа никак не идет – пальцы отказываются слушаться. Несколько раз я переделываю непослушный пучок, но в конечном итоге сдаюсь и оставляю волосы распущенными. К счастью, лёгкий макияж не создает мне дополнительных проблем.

Перед выходом из дома окидываю себя пристальным взглядом в высокое зеркало и невольно улыбаюсь. Золотистое платье с открытой спиной идеально подчеркивает мою стройную фигуру и оттеняет молочно-белую кожу, а босоножки в тон придают образу изысканности. В отражении я вижу такую женщину, которой когда-то в юности мечтала стать, – сильную, уверенную, самодостаточную. Осталось только проверить, смогу ли я сохранить лицо, вновь скрестив шпаги с прошлым.

Я опаздываю почти на час из-за того, что мне "везет" попасть в огромную пробку на Садовом кольце. Насколько мне известно, выбранный Кирой ресторан для мероприятия по случаю дня рождения невозможно забронировать меньше, чем за месяц, но у человека ее положения, вероятнее всего, имеются определенные привилегии.

Роскошь этого места бросается в глаза еще снаружи. Отдельно стоящее здание с окнами в пол и мерцающей подсветкой выглядит волшебно, завораживая своей необыкновенной красотой. Я поднимаюсь по ступенькам ко входу, где меня встречает улыбчивая женщина-администратор и просит назвать свое имя и фамилию, чтобы свериться со списком.

Оказавшись внутри, я в буквальном смысле оказываюсь ослеплена ярким светом софитов, а дизайнерские штучки в необычном интерьере этого ресторана притягивают мой восхищенный взгляд.

– Сашенька, ты пришла! – радостно восклицает Кира, отвлекая меня от огромной картины перед входом в зал. – Я уж думала, что ты передумала.

– Извини, пожалуйста, я попала в ужасную пробку, – сокрушаюсь я, обнимая девушку и вручая ей небольшой подарок. – Какое прекрасное место!

– Это мой самый любимый ресторан. Его хозяин – мой старый приятель, – сообщает Кира заговорщически понижая голос, а при упоминании этого приятеля выражение ее лица почти неуловимо меняется. – Банкетный зал полностью в нашем распоряжении. Пойдем. Уже все в сборе.

По мере того, как мы приближаемся к дверям банкетного зала, мое тело пронзает дрожь. Через несколько секунд я снова встречаюсь со Станиславом Крестовским. Мандраж перед предстоящей встречей постепенно сменяется нарастающей тревогой. А что если я не могу выдерживать его давление, пусть и косвенное? Или же случайно выдам свою тайну? День рождения невесты Стаса – совсем не тот момент, когда нужно раскрывать карты, тем более такие, какие собрала я.

Швейцар предупредительно распахивает перед нами дверь, и глазам открывается в точности такой же по размеру зал, как и первый.

– Я предполагала, что это будет банкетка на двадцать человек, – нервно усмехаюсь я.

– Я сначала тоже так думала, – Кира смеётся в ответ.

– Только самые близкие? – уточняю я, непроизвольно выискивая глазами определенного человека.

– Не совсем. Идём, ты сидишь за столиком рядом со мной, – девушка берет меня под руку и ведет за собой к центральному столику около сцены.

Крестовский сидит к нам вполоборота, о чем-то оживленно беседуя с женщиной, определённо старше него. Он широко улыбается, живо жестикулирует и даже открыто смеется над тем, что рассказывает ему собеседница. Со стороны он кажется жизнерадостным и беззаботным мужчиной. Совсем не таким, каким я узнала его три года назад. Но все меняется, стоит ему повернуть голову в нашу сторону.

Улыбка сходит с его лица, нижняя челюсть напрягается, а брови сходятся на переносице, скрывая от меня выражение его глаз. И все же, я чувствую, что среди нас двоих – меня и Киры – его внимание сейчас целиком и полностью достается мне.

Жар стремительно разливается по телу от тяжелого взгляда, которым он неторопливо окидывает мою фигуру с ног до головы. Очевидно, он удивлен. Неужели Кира не предупредила его, что и я буду присутствовать на торжестве? Хотя, если учесть количество гостей в ресторане, вряд ли она стала бы сообщать Стасу о каждом приглашенном. Для нее я – одна из многих. А для него?..

– Добрый вечер! – чуть приподнимаю подбородок и коротко киваю всем присутствующим за столом, получая в ответ слова приветствия.

– Саша, позволь представить мою маму – Римма Михайловна, – Кира начинает представление с той самой женщины, с которой беседовал Стас до нашего появления. – Мама, это Александра Озерова. Художница и звезда моей галереи. О ней ты, конечно, много раз слышала.

– Здравствуйте, рада познакомиться, – протягиваю руку для приветствия, и женщина принимает ее.

– Здравствуйте! Кира права, в последнее время все только о вас и говорят, – ее губы трогает легкая улыбка. – Кстати, планирую сама убедиться в справедливости восторженных отзывов о ваших картинах, в первую очередь, моей дочери и посетить выставку на следующей неделе.

– Буду очень рада, – сдержанно отвечаю я.

Во время нашего небольшого диалога с Риммой Михайловной я ощущаю на себе хорошо знакомый взгляд синих глаз. Я с лёгкостью выдерживаю внимание двадцати, пятидесяти и даже сотни человек к своей персоне, но внимание Стаса даётся мне с большим трудом. Это будто какая-то бесконечная пытка, на которую я соглашаюсь добровольно. Мне ничего не стоило написать Кире, что я, к примеру, заболела, или же маме срочно понадобилась моя помощь, но я выбрала иной путь – доказать самой себе, что Станислав Крестовский больше не нарушит мой покой. Правда, пока что я со своими доказательствами с треском проваливаюсь.

Кира представляет меня остальным гостям, но я никого не запоминаю. В ушах стоит гул от громкой музыки, да и моя внимательность растворяется прямо на глазах. Чёрт возьми, зачем я вообще сюда пришла?

– Саша, присаживайся рядом со Стасом, – Кира указывает на свободный стул, а я перестаю дышать.

В опасной близости от него на протяжении всего вечера – это шутка такая? Нет. Табличка с моим именем гласит, что ошибки никакой нет – мое место действительно рядом со Стасом. Господи, дай мне сил пережить этот вечер!

– Ну же, Александра, смелее, – заметив мое смятение насмешливо произносит Крестовский так тихо, чтобы услышать его могла только я, – я не кусаюсь.

Я игнорирую провокацию, направленную в мой адрес, и приступаю к ужину, параллельно переговариваясь с дядей Киры, который сидит по правую руку от меня. И хотя я полностью

переключаюсь на беседу с этим добродушным мужчиной, отделаться от сковывающего меня ощущения близости Стаса мне не удаётся. Особенно, когда на стул рядом с ним опускается Кира и, положив руку на его грудь, начинается что-то ему шептать, вызывая на привлекательном лице мужчины сумрачную улыбку.

– Могу я пригласить вас на танец, Александра? – интересуется Олег Михайлович, протягивая мне ладонь.

– Почему бы и нет, – соглашаюсь я.

По спине пробегает знакомый холодок, и мне хорошо известна причина его возникновения. Стас Крестовский. Мне не нужно оборачиваться, чтобы проверить права ли я. Только в ответ на его взгляд мое тело реагирует настолько остро. Я чувствую Стаса всеми фибрами своей души, и это начинает порядком надоедать. Прошло столько лет, я выросла, изменилась, но, кажется, так и не смогла изгнать его из своего сердца.

Медленная композиция заканчивается, и я, извинившись перед дядей Киры, быстрым шагом спешу покинуть банкетный зал. Мне нужен воздух. Поднимаюсь на второй этаж, где располагается открытая терраса, и, устроившись поудобнее на мягком диванчике, прикрываю глаза.

Приходить на день рождения Киры было ошибкой. Что я этим добилась? Хотела доказать себе, что с легкостью переживу встречу с прошлым, а в итоге получила новые раны. Ради чего все это?

– От кого ты бежишь, Саша? – низкий голос, который я узнаю из тысячи, проникает в мое сознание, заставляя тело вспыхнуть сотнями обжигающих искр.

Это дежавю. Снова теплая ночь. Снова открытая терраса. Снова мы один на один.

Я делаю глубокий вдох и открываю глаза, встречаясь с непроницаемым взглядом Стаса. Чувство облегчения, в котором мне удалось провести не более двух минут, рассеивается словно пыль, уступая место скованности и сосредоточенности.

– Я вышла подышать воздухом. В помещении стало слишком душно, когда начались танцы, – спокойно произношу я, не желая вступать с ним в бессмысленную перепалку. – Кажется, это не запрещено.

– Оправдываешься? – его брови ползут вверх.

– Зачем мне это? – равнодушно пожимаю плечами.

– Лгать ты так и не научилась, – хлестко произносит Крестовский.

Непроницаемая маска слетает с его лица – на нем отражается раздражение, невольное восхищение и... злость. Возможно, последнее – лишь игра моего воображения, но таким, каким Стас предстает передо мной сейчас, мне еще никогда не приходилось его видеть.

Что его так разозлило?

Меня резко бросает в жар, а в висках начинает судорожно стучать. Единственная мысль, которая пронесется в моей голове, – он знает о моем секрете. Липкий страх разоблачения расплзается по телу, проникая в самые потаенные уголки души. Ему понадобилась неделя, чтобы все выяснить? Но почему он не встретился со мной тет-а-тет? Зачем вскрывать правду на празднике его невесты? Что он теперь от меня потребует? Одни вопросы и ни единого ответа.

– Волнуешься. Весь вечер как на иголках. Почему, Саша? – Крестовский не сводит с меня изучающего взгляда. – Хочешь что-то мне сказать?

На мгновение я теряюсь. Этот человек действует своими привычными методами – он выводит собеседника на разговор и добивается от него желаемого. Даже если Стас в самом деле в курсе моей тайны, то держится он крайне сдержанно. Это выбивает из равновесия, но не должно позволить мне себя выдать.

– Мне нечего сказать, – натянуто улыбаюсь я. – Пора возвращаться.

– Продолжаешь бегать, вместо того чтобы поговорить, – иронично заявляет он.

– А нам разве есть, о чем говорить? Все в прошлом. У тебя есть невеста. У меня... – я на секунду замолкаю, едва не проболтавшись, – у меня есть моя карьера, к которой я так долго стремилась. Я счастлива. Ты счастлив. У каждого из нас своя дорога и...

– В твоей жизни есть мужчина? – вдруг перебивает меня Стас, захватывая меня врасплох этим прямым вопросом.

– Не думаю, что это тебя касается, – отвечает он резко.

– Судя по твоей реакции, никого нет. Но по какой-то одной тебе известной причине ты что-то от меня скрываешь. И я не успокоюсь, пока не пойму, что именно.

– У тебя паранойя, – отчаянно стараюсь сдержать дрожь в голосе.

Губы Стаса трогает ироничная улыбка.

– В отношении тебя – возможно.

– Это бессмысленный разговор, – я решительно поднимаюсь на ноги. – Прости, я хочу вернуться в зал.

– Саша, – летит мне в спину. – Помнишь, что я когда-то говорил тебе про то, как я воспринимаю вызов? Ты снова это делаешь.

Я оборачиваюсь, робея под пристальным взглядом Крестовского, но произнести ничего в свое оправдание не могу.

– Оставь меня в покое, Стас. Ты ничего не добьешься.

– Поживем-увидим.

Это последнее, что я слышу перед тем, как покинуть террасу. И хотя сердце бешено стучит, а кожа от волнения покрылась испариной, меня успокаивает одна единственная мысль, которая ярким пламенем горит в сознании: он ничего не знает.

Глава 5

Саша

Остаток вечера проходит в относительном спокойствии без прямых стычек с Крестовским, но как только появляется возможность покинуть праздник, не привлекая к себе лишнего внимания, – я хватаюсь за нее, как утопающий за соломинку.

– Кира, спасибо за приглашение, – говорю я, поймав именинницу возле женского туалета. – Прекрасный вечер, но мне уже пора.

– Почему так рано? – спрашивает она расстроено. – Сейчас же самое веселье начнется – все выпили, расслабились, официальная часть позади. Я думала мы с тобой потанцуем, сейчас диджей выйдет.

– Извини, но мне правда пора, – остаюсь непреклонна, хотя расстроенное лицо девушки едва не заставляет меня пойти на попятный. Но я давно пообещала себе, что больше никогда не буду идти на поводу у других людей – для Киры, как бы тепло я к ней ни относилась, делать исключение я не стану.

К тому же, в моем отъезде сейчас нет ничего поспешного или невежливого: основные тосты уже сказаны, а Кира задула свечи на торте.

– Кто-то ждет тебя? – предполагает она, вдруг улыбаясь. – Кто-то особенный?

– Не выдумывай, я просто устала и хочу домой. Сама понимаешь – последний месяц был для меня, да и для тебя тоже, очень напряженным. До твоего приглашения я планировала все выходные провести в кровати с книжкой.

– Согласна, – Кира вздыхает, а потом порывисто обнимает меня. – Но мы молодцы, правда?

– Правда, – подтверждаю я. – Без тебя ничего бы этого не было. И ты должна знать, что я очень тебе за все благодарна.

– Да ладно тебе, – беспечно отмахивается девушка. – Это лишь вопрос времени, когда бы тебя заметили. Мне просто повезло, что ты пришла ко мне первой. И, знаешь, если соберешься

продать ту самую картину, – она заговорщически понижает голос. – Мы со Стасом дадим лучшую цену. «Морское дыхание» будет идеально смотреться в нашей будущей гостиной.

Не знаю как, но мне удастся сохранить на лице спокойное выражение, хотя внутри после слов Киры все кровоточит и рассыпается на части. Разве это не глупо? Конечно, однажды у них будет общая гостиная, конечно, когда-то у них появятся дети...

– Я буду иметь ввиду, – отвечаю сдержанно.

В общий зал мы возвращаемся вместе. К сожалению, мечта о том, что я смогу ускользнуть с праздника незамеченной, остаются лишь мечтами. Потому что Кира во всеуслышание объявляет о моем отъезде и предлагает на прощание произнести тост. На мой негодующий взгляд она отвечает ослепительной улыбкой и поднятым вверх бокалом шампанского:

– Финал моего двадцать девятого года был потрясающим благодаря двум людям, – Кира трогательно вздыхает и переводит взгляд на Крестовского, который с задумчивым видом сидит в кресле. – Стас, ты все знаешь. Я бесконечно счастлива рядом с тобой. И я сделаю все, чтобы ты ощущал то же самое рядом со мной. Саша, – она смотрит мне в глаза. – Твоя выставка – это прорыв не только для тебя как для художника, но и для меня как для молодого галериста. Наш общий успех открывает для нас новые перспективы. Спасибо тебе за доверие и твой талант. Давайте выпьем!

Под гром аплодисментов я подношу к онемевшим губам бокал шампанского. Пить не могу, но и говорить тоже не выходит – противоречивые эмоции рвут меня на части, в желудке все сжимается, а грудную клетку сдавливают, словно на нее опускается бетонная плита. В самом кошмарном сне я не могла себе представить подобного развития этого и без того сложного вечера. И Кира... Если бы она только знала...

– Всем доброй ночи, – говорю скованно, ставя нетронутый бокал обратно на стол.

Отворачиваюсь и на негнувшихся ногах иду к выходу.

– Саша, подожди, – меня окликает звонкий голос Киры, вынуждая остановиться. – Стас тоже собирается уезжать. Ты же в Академическом живешь? Наш водитель по пути тебя подвезет.

– Не стоит волноваться, я доберусь на такси, – резче, чем хотелось бы, произношу я, приходя в ужас от перспективы ехать куда бы то ни было с этим мужчиной.

– Никаких волнений, – это спокойно говорит Крестовский, посылая по моему телу волну мурашек. – Нет смысла напрасно гонять машины. Мне по пути. Водитель уже ждет.

Я лихорадочно ищу повод, чтобы отказаться, но в голову не приходит ничего разумного. Ничего, что не выставит меня в глазах Киры и ее близких неблагоприятной истеричкой.

– Спасибо, – отвечаю, наконец, облизывая пересохшие от волнения губы, и выхожу из зала не желая смотреть, как будут прощаться Кира и Крестовский.

Находиться в машине с Крестовским странно. Непривычно тоже, но осознание, что все это когда-то уже было не отпускает и, что совершенно нелогично, успокаивает. Как, черт возьми, я могу ощущать себя спокойно рядом с ним после всего, что произошло этим вечером, – выше моего понимания.

За рулем – его водитель. Новый, не тот, что был три года назад, и это хорошо. Я почему-то очень боялась, что будет кто-то, кого я знала в той прошлой жизни. Хотя, в сущности, какая разница?

– Я бы вполне могла добраться на такси, – повторяю я, стоит нам отъехать от ресторана.

– Могла бы, – соглашается он. – Но я все равно еду мимо твоего района в аэропорт.

От его слов на душе становится легче: значит, эта поездка – просто случайность. Стас не собирался оставаться со мной наедине.

– Ты улетаешь? – зачем-то спрашиваю я, чтобы поддержать разговор.

– Дела, – отвечает он просто.

Какое-то время мы молчим. Машина плавно скользит по улицам. Яркие огни мегаполиса освещают ей путь.

– Знаешь, Александра, я должен попросить прощения, – внезапно произносит Стас, заставая меня врасплох.

– За что?

– Я набросился на тебя совершенно необоснованно, – он устало трет переносицу, хмурится, словно разговор ему неприятен. – И тогда на выставке, и сегодня. Ты этого не заслужила. Это все мои... – он как-то криво усмехается, – неоправданные ожидания.

– Какие у тебя могут быть неоправданные ожидания? – спрашиваю, не подумав.

– О, – тянет Стас загадочно.

Он больше ничего не говорит, но я вдруг чувствую потребность высказаться.

– Знаешь, я бы хотела, чтобы мы оставили прошлое в прошлом, Стас, – произношу твердо. – Я очень хорошо отношусь к Кире. Она не заслуживает, чтобы за ее спиной... Чтобы за ее спиной велись какие-то игры.

– Ты считаешь, что мы что-то делаем за ее спиной?

– Зачем отвечать вопросом на вопрос? Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Честно говоря, не очень, – говорит он серьезно.

– Все эти разговоры с подтекстом. Встреча на террасе. Эта поездка.

– Мне кажется, ты принимаешь все слишком близко к сердцу, Саша. Мы не сделали абсолютно ничего предосудительного. Что до этой поездки – я тебе уже сказал, мне по пути.

Его ответ вызывает во мне двойственные чувства: с одной стороны – хочется удовлетвориться этим простым ответом, с другой – не может быть Крестовский настолько прост. В отношениях со мной этот мужчина никогда не делал что-то просто так. И я не могу отделаться от мысли, что и сейчас все не так, как он пытается мне преподнести.

– Хорошо, – произношу я. – Значит, ты согласен, что будет лучше, если в будущем мы будем избегать подобного... Нам лучше не оставаться наедине.

– Ты меня боишься?

– Не боюсь.

– Тогда почему нервничаешь? И в галерее, в день нашей первой встречи, и на террасе и даже сейчас.

– Тебе кажется, – мой голос предательски дрожит, но я стараюсь взять себя в руки и продолжить. – Не стоит искать то, чего нет.

– Мне редко что-то кажется, Саша.

Я отворачиваюсь, не выдерживая его пристального взгляда.

– Я был удивлен, что ты так и не связалась с Аличе три года назад, – вдруг говорит он задумчиво. – Ты могла бы стать известным художником еще тогда. Но я бы на твоём месте, наверное, поступил также. Это гордость. Ты так не думаешь, но в чем-то мы с тобой очень похожи.

– Мы с тобой совершенно не похожи, Стас, – говорю сухо, думая о том, что единственная причина, по которой я тогда не позвонила подруге его матери, у которой была галерея в Милане, это то, что я была беременная. И первые два триместра дались мне очень и очень непросто.

Он улыбается. Глаза в темноте салона мерцают, как два драгоценных камня. И меня вдруг как обухом по голове – Лея так на него похожа... От этой мысли болезненно щемит в сердце. На мгновение я даже закрываю глаза, чтобы прийти в себя.

– Что-то беспокоит тебя, правда? – с поразительной проницательностью произносит Крестовский. – Я с нашей первой встречи в галерее все пытаюсь понять, что это может быть, но теряюсь в догадках. Три года назад мы с тобой расстались не самым лучшим образом, но ты же не думаешь, что я хочу каким-то образом тебе навредить? Пазл не складывается, Саша.

Наши глаза встречаются. В его – пыливый интерес, любопытство, что-то еще, чему сложно подобрать определение. Но не злость.

Что если рассказать ему о дочери? В прошлом я делала несколько попыток, но сейчас, когда все так запуталось, когда у него есть Кира...

Машина сворачивает ко мне во двор, плавно тормозит у подъезда.

– Спасибо, что подвез, – произношу вежливо, но в глаза смотреть не рискую – сосредотачиваюсь на точке фонаря за окном.

Стас склоняет голову.

– Доброй ночи, Александра.

Все время, пока я иду к подъезду, машина остаётся на месте, и я знаю, чувствую, что Крестовский не сводит с меня глаз. И только когда с легким щелчком дверь за мной закрывается, в ночной тишине я слышу мягкий шорох шин по асфальту.

Глава 6

Саша

– Сашенька, я совсем забыла сказать, что у меня сегодня плановый прием в поликлинике, – мама заглядывает в комнату в то время, как я заплетаю русые волосы Леи в косичку.

– Мам, у меня же сегодня работа! – хнычу я, понимая, что в ее отсутствие дочь придется брать с собой в галерею. – Я же говорила тебе.

– Саш, ты же знаешь, как сложно талончики к эндокринологу достать, а у меня щитовидка... Вылетело из головы просто, что это сегодня. Я бы взяла малышку с собой, но что ее зря по больницам таскать, сама понимаешь, а ты ей мультик включи, пока работать будешь. Она у нас девочка хорошая, да Леюш?

Дочка, услышав, что к ней обращаются, отрывается от изучения новой игрушки и важно кивает головой.

– Я примерно в половине первого смогу ее забрать, – говорит мама, поправляя волосы.

– У меня сегодня такая встреча важная, – вздыхаю я, наконец, отпуская извивающуюся дочь и следуя за мамой в прихожую. – И тонна бумажной работы. Акты, договоры... Вот просто самое неподходящее время, чтобы Лею с собой брать.

– А встреча с утра? – спрашивает мама, явно ощущая себя не в своей тарелке.

– Куратор из мюнхенской галереи должен приехать в час, – отвечаю я.

– Из Германии на твои работы смотреть приедут? – уточняет мама с восторгом, и когда я киваю, добавляет: – Доча, я успею. Можешь не волноваться! – она улыбается мне, а потом подмигивает внучке: – Поцелуй бабулю, крошка. Ты немного побудешь у мамы на работе, а потом я заберу тебя, и мы поедem в зоопарк. Как тебе идея?

– Да! – громко восклицает Лея, с восторгом хлопая в ладоши. – Я хочу посмотреть ёжика.

– Вот и договорились, – мама посылает малышке воздушный поцелуй и покидает квартиру, бросив на прощание любимое “чао”.

Сегодня заключительный день моей выставки, и я немного нервничаю. Хотя, немного – это сильное преуменьшение. Вместе с Лизаветой мы сегодня должны подбить все цифры, подписать акты и упаковать картины. Вечером приедет курьер, чтобы забрать их и развести новым владельцам. А в обед я жду приезда Людвига Гриндера – известного в арт-кругах куратора, который собирает выставки для крупнейших галерей Европы. Обратить на себя внимание человека такого уровня – уже удача. И я возлагаю на эту встречу большие надежды.

– Лея, выбирай платье, в котором пойдешь с мамой на работу, – предлагаю я дочке, лицо которой тут же вспыхивает радостным восторгом.

– Хочу синее как у тебя, – заявляет она с таким серьезным тоном, что я не могу сдержаться и, взяв дочь на руки, начинаю кружить. – Отпусти!

Лея заливисто смеется, наполняя каждый уголок квартиры лучами света и добра. Какая же она необыкновенная! Каждый раз просыпаясь утром и засыпая ночью, я мысленно благодарю судьбу за мой свет в окошке. Да, в начале нам было непросто, но, в конце концов, вместе с этим маленьким сгустком чистой энергии мы справились со всеми трудностями.

– Всё, малыш, одеваемся и едем, – ставлю ребенка на пол и, открыв шкаф, снимаю с вешалки синее платье дочери. – Иначе мамочка сегодня ничего не успеет.

До галереи мы с Леей добираемся быстро – утренний час-пик позади и, хотя мы немного задержались дома, в офис приезжаем даже чуть раньше моей помощницы.

Несмотря на раннее время, в просторных залах уже есть посетители. Каждый день на протяжении последних двух недель я с волнением открывала двери галереи и боялась однажды войти в пустое помещение. Мне было страшно, что мои картины больше не вызывают интереса. Но все страхи оказались напрасными, и сегодняшний заключительный день выставки это подтверждает.

Моя дочь в силу своего возраста никогда не интересовалась моим творчеством. А к картинам, которые я писала в последние три месяца, Лея даже не подходила. Но сейчас, впервые оказавшись в галерее, моя малышка молча ходит по залам и с интересом рассматривает картины. Я замираю на месте, когда она останавливается у "Морского дыхания" и на протяжении нескольких минут внимательно смотрит на нее.

– Красиво, – неожиданно говорит Лея, сосредоточенно хмурия светлые бровки. – Только грустно, мама.

В этот миг передо мной будто стоит взрослый человек, способный по достоинству оценить и прочувствовать эту картину.

– Мамина любимая, – улыбаясь, отвечаю я, протягивая дочери руку. – Пойдем в кабинет, включу тебе мультики.

Лея послушно переплетает наши пальцы и, еще раз взглянув через плечо на "Морское дыхание", идет вместе со мной к выходу.

Проходя через второй зал, я вдруг замечаю до боли знакомую широкоплечую фигуру в деловом костюме, стоящую ко мне спиной. Почва резко уходит из-под ног, заставляя меня пошатнуться. Все тело сковывает озноб, а сердце, оборвавшись, вдруг начинает бешено биться где-то в районе желудка.

– Мама, пойдём! – восклицает дочь, недовольная задержкой. – Хочу мультики.

Один. Два. Три. Крестовский резко оборачивается, будто кто-то окликнул его, а не меня, и застывает, пораженный встречей. Его взгляд впивается в мое лицо, резко опускается вниз, на мою руку, в которой зажата ладошка дочери, а потом соскальзывает на Лею, внимательно разглядывая малышку.

Мое сердце замирает. А потом начинает колотиться с такой силой, что я едва не лишаюсь чувств. Я ведь прекрасно понимаю, что он видит. Если не знать обоих родителей девочки, отдельные черты лица Леи кажутся очень похожими на мои, но первое, что привлекает внимание к малышке – ее глаза, в точности такого же оттенка, как у ее отца, у ее бабушки и тети. Этот насыщенный цвет, характерный для семьи Крестовских, эта поразительная глубина...

Непроницаемая маска, привычно приклеенная к лицу Стаса, в этот миг спадает, обнажая истинные эмоции. Удивление. Сомнение. Подозрение. И отблески бешеной ярости в пронзительных голубых глазах, когда он снова смотрит на меня.

Теперь он знает. Это последнее, о чем я успеваю подумать до того, как Крестовский делает шаг навстречу, разбивая мою прошлую спокойную жизнь на мелкие осколки.

Он словно хищник, случайно приметивший трусливого зайца, медленно движется в нашу сторону. Расслабленный зверь, но это впечатление обманчиво – он почуял добычу, и я в это мгновение именно так себя и ощущаю. Сжимаю маленькую ладонь дочери, мысленно готовясь к новому бою с Крестовским.

– Стас, вот ты где! – восклицает непонятно откуда взявшаяся Кира. – Я наконец-то освободилась.

Напряжение, которое нарастало в воздухе, рассеивается, так и не достигнув кульминации. И пока цепкий взгляд Крестовского перемещается на невесту, я облегченно выдыхаю, чувствуя, как пружина в груди расслабляется, позволяя мне перевести дыхание. Я не питаю иллюзий – эта отсрочка лишь временная. Сейчас Кира спасла ситуацию, но пройдет совсем немного времени прежде, чем Стас меня настигнет. Тот взгляд, которым он смотрел на меня и дочь, не позволяет усомниться – в его душе уже зародилось зерно сомнения, и оно будет прорастать до тех пор, пока он не докопается до правды.

– Добрый, – раскатисто звучит бархатистый голос с нотками волнующей хрипотцы, за сдержанным фасадом которого мне чудятся сотни вопросов. Прямо сейчас не та ситуация, чтобы задавать их. И Стас это отлично понимает. Но они ждут меня. И этот мужчина не успокоится, пока не получит ответа на каждый из них.

Ещё раз извинившись, я с гордо поднятой головой покидаю помещение, чувствуя пронзительный взгляд на своей спине.

– Лея, идем, – я подхватываю дочь на руки и быстро удаляюсь с малышкой в кабинет.

К счастью, до самого появления мамы, Лея не отвлекается ни на что кроме мультиков, замороженно глядя в экран ноутбука, а мне за это время удается немного успокоить расшатавшиеся нервы и привести свои бумажные дела в порядок. Я заставляю себя не думать о неожиданной утренней встрече, с головой погружаясь в рабочую обстановку. Но один вопрос вертится в голове: что вообще здесь делал Крестовский в такое время?

Мама забирает Лею даже раньше, чем обещала, а у меня появляется немного времени, чтобы обдумать детали встречи с Людвигом. К слову, переговоры с куратором заканчиваются лучше, чем я могла себе представить. Оглушительный успех, принесенный мне этой выставкой, за две недели дал поразительные результаты. О подобном ещё полгода назад я не могла даже мечтать. Удивительно, как быстро может измениться жизнь.

Картинная галерея по своему обыкновению закрывается в семь часов вечера. Я провожаю последнего посетителя, после чего закрываю дверь на замок и остаюсь наедине со своими работами. В очередной раз стою перед "Морским дыханием" – с нее все и началось. Я испытываю необычные чувства, главное из которых – гордость. Гордость за себя. Что смогла. Что не сломалась, когда стало сложно.

Сегодня мне хочется немного побыть наедине с собой, поэтому я решаю зайти в итальянский ресторанчик неподалёку. Ставлю помещение на сигнализацию и, окинув благодарным взглядом галерею, выхожу на улицу. Закрыв дверь на два замка, кидаю ключи в сумочку и поднимаю глаза. Черный внедорожник с тонированными стеклами стоит в десяти метрах от входа. По спине пробегает холодок, когда из автомобиля показывается знакомая фигура Крестовского. На его лице снова царит непроницаемое выражение, а понять, что творится в его голове, просто невозможно. Да и нужно ли?

Сколько он прождал меня здесь? Впрочем, какая разница. Стас здесь, а мне некуда деться. Хочется раствориться в воздухе словно по мановению волшебной палочки, но, к сожалению, я не в сказке. Это реальность, которая с каждой секундой поглощает с головой.

– Поговорим?

Глава 7

Стас

Хотел ли я детей? Это был вопрос, на который я не мог ответить даже самому себе. Мне нравилось возиться с маленьким племянником, я спокойно относился к детям деловых партнеров, но о собственных не думал даже в контексте помолвки с Кирой. Конечно, когда-то я хотел семью, но после покушения три года назад ориентиры сместились. У меня были

мама и Ариана, за безопасность которых я переживал – брать на себя ответственность за жену и ребенка тогда казалось мне в принципе непозволительной роскошью.

Сейчас все иначе. Время спокойнее. Охрана надежнее. И у меня есть невеста. Вот только дети... Нет, к детям я точно не был готов. А ведь я предпочитаю готовиться к любым поворотам судьбы, чтобы она больше никогда не застала меня врасплох. Но сейчас, глядя на фотографию маленькой Арианы, которую прислала мама по моей просьбе, я испытываю такую растерянность, словно мир, который я изучил вдоль и поперек, ударил меня под дых.

Четыре часа после встречи в галерее у меня есть целое досье на Александру и Лею Озеровых. Дата и место рождения, имя акушерки, которая принимала роды, номер банковского счета, сертификат прививок, медицинская карта, расписание сеансов детского массажа, копия свидетельства о рождении девочки, в котором вместо имени отца стоит прочерк. У меня есть все. Нет только ответа на вопрос: как она могла скрыть от меня?

В том, что Лея – моя дочь я почти не сомневаюсь. Я, конечно, заставлю Сашу согласиться на ДНК-тест, но это чистая формальность. Эти глаза девочки – я хорошо знаю их. Я вижу их на лице сестры, на лице матери. И на собственном лице всякий раз, когда смотрюсь в зеркало.

«Тебя ждать на ужин?»

Сообщение от Киры застает меня на пороге моего офиса.

«Нет. У меня дела».

Я не лгу. Дела у меня действительно есть. Только я теперь даже не знаю, с какой стороны подойти к их решению.

На часах шесть сорок, когда мой водитель тормозит у знакомого входа в галерею, семь пятнадцать, когда из нее выходит Александра. Стройная, ладная, в темных брюках, идеально подчеркивающих длину ее ног, в объемном светлом свитере, с волосами, собранными в живописный пучок на макушке. Такая же безумно привлекательная, как три года назад, но куда более далекая, непонятная, самоуверенная даже. Неужели она всерьез планировала скрыть, что у меня есть дочь?

Она замечает меня почти сразу. Резко останавливается. Прижимает сумку к груди. Испуг, который я успеваю поймать на ее лице, быстро сменяется маской равнодушия. Только в глазах, в которых отражается свет уличных фонарей, застыло настороженное выражение – как у зверька, загипнотизированного вспышкой фар на дороге.

– Поговорим? – предлагаю спокойно, делая шаг навстречу.

Даже не рассматриваю вариант, в котором она откажет, но Александра дерзко вздергивает подбородок и холодно отвечает:

– Я спешу.

Хочется резко сказать ей, что ее спешка закончилась. Навсегда. Чтобы она поняла, что больше бегать ей не удастся. Но я беру себя в руки – не время, не место. Да я и сам пока не понял, что с ней делать – настолько выбило меня из колеи, что сейчас хочу от нее просто чистосердечного признания. Что-то, а удары эта женщина наносить может как ни одна другая. Три года назад, когда ушла, потом, когда скрыла...

– Правда? – уточняю с расстановкой, наслаждаясь замешательством на ее привлекательном лице. – А сказать мне ничего не хочешь, Саша?

– Нет, – отрицательно качает головой, отчего одна прядь падает ей на лоб и глаза, вызывая во мне неконтролируемое желание протянуть руку и отвести ее. – Сейчас я не готова с тобой разговаривать.

– Уверена? Я так не думаю, – стиснув зубы от досады, рычу я.

– Что ты от меня хочешь, Стас?

– Этот ребенок... – я замолкаю. Здесь и сейчас я не хочу ее пугать, все еще надеюсь на какой-то вразумительный диалог, на ее извинения, но эмоции берут верх. – Чей он, Саша?

– Она, – поправляет меня холодно.

– Что?

– Это девочка, Стас, ты же видел, – говорит почти с вызовом. – Моя дочь. Моя... И твоя.

Последнее слово гремит в сознании словно раскатистый гром, не некоторое время заслоняя собой реальность. От Саши мне нужно было только подтверждение той информации, которую мои помощники нарыли на Лею, и я его получил. В висках громко стучит от оглушительной правды. Я привык быть собранным и полностью управлять ситуацией, какой бы сложной она ни была, но сейчас ни одно из испытываемых мною противоречивых чувств не поддается контролю.

Я, черт возьми, отец двухлетней девочки!

Глядя в выразительные глаза Александры, в которых нет ни капли сожаления и, тем более, чувства вины, я пытаюсь найти объяснение, причину, по которой я узнал о дочери только сейчас. Да и правда открылась мне совершенно случайно – машина Киры сломалась, и я просто подбросил ее в галерею.

– Нам нужно поговорить, – чеканю я, но мгновенно смягчаюсь, понимая, что своим напором только спугну Сашу. – Отмени свои дела. Пожалуйста.

Она не таясь разглядывает меня, явно обдумывая предложение. В голубых глазах мелькает тень сомнения, но в конечном итоге девушка сдается, устанавливая временные рамки, в которые я должен уложиться.

– У меня есть час, – ее голос сдержанный и прохладный. – Если тебя это устроит...

– Вполне. Я не ужинал. А ты? Прокатимся в ресторан? – предлагаю я, кивая в сторону автомобиля.

– Хорошо, но место выберу я, – бросает равнодушно перед тем, как забраться в салон автомобиля.

Я искоса наблюдаю за девушкой, пока водитель везёт нас в выбранный Сашей ресторан. Сдержана. Собрана. Руки мирно покоятся на коленях, а голова откинута назад на спинку сиденья – в отличие от меня Александра выглядит расслабленной. Для меня же эта поездка кажется чудовищной пыткой – мне не терпится услышать подробности ее жизни и жизни моей дочери.

– Приехали, – говорю я, когда машина останавливается.

Саша не дожидается, пока я открою ей дверь, – выходит сама и неспешным шагом двигается к входу в ресторан. В каждом ее движении чувствуется уверенность, природная грация и женственность, которые не могут не привлекать мужское внимание. Непроизвольно стискиваю зубы, когда замечаю восхищенные взгляды мужчин в адрес Александры. Эта женщина мне не принадлежит, но укол ревности ощущается довольно остро.

– Здравствуйте! Вас будет двое? – интересуется приветливая девушка-администратор.

– Добрый вечер, да, – говорю нетерпеливо.

– Здравствуйте, Катерина, – Саша улыбается в ответ. – Дальний столик возле окна нам как раз подойдёт.

– Хорошо, – отвечает она и, скользнув по мне многозначительным взглядом, провожает нас в небольшой, но уютный зал.

Железная выдержка, выработанная годами, рассыпается словно карточный домик. Я наблюдаю за неспешными движениями Саши – как она усаживается за стол, открывает меню и принимается его изучать. Черт возьми, как можно быть настолько спокойной? Усилием мысли подавляю внутренний взрыв и привлекаю ее внимание, касаясь запястья. Александра тут же одергивает руку, словно она только что обожглась, бросая на меня вопросительный взгляд.

– Саша, почему ты скрыла дочь? – не открывая меню, спрашиваю я.

– Я ещё не определилась с ужином. Прояви чуточку терпения, – с достоинством произносит она и смещает фокус внимания на подошедшего официанта.

Пока Саша озвучивает свой выбор молодому парню, вероятно, студенту первых курсов, я в очередной раз отмечаю колоссальные изменения, произошедшие в девушке – уверенная,

самодостаточная, знающая себе цену, но в то же время мягкая и милая – олицетворение настоящей женщины. В голове мелькает недопустимая мысль о ней, и я отвожу глаза, переключая внимание на звонящий телефон. Кира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.